

После ужина Хань Фэн неспешно подошел к кровати и медленно опустился на нее.

Он закрыл глаза, сосредоточившись на мышечной памяти, оставленной прежним владельцем тела, и начал осторожно направлять внутреннюю энергию по меридианам.

Со временем энергия, поначалу напоминая тонкий ручей, постепенно превращалась в полноводную, бурлящую реку.

Каждый цикл движения ци дарил ему ощущение тепла и уюта, словно каждая клеточка его тела пробуждалась к жизни. Он ясно чувствовал, как поток энергии становится все более плавным, будто некогда извилистая и ухабистая дорога превратилась в широкое и ровное полотно.

Тем временем неподалеку Чу Сюэвэнь, снedaемый любопытством, стоял в стороне и молча наблюдал за тем, как Хань Фэн тренируется. В его глазах, ярких, как звезды, горел пылкий блеск. Он не сводил с Хань Фэна глаз, словно боясь упустить малейшее движение или едва заметную перемену в его облике.

Этот жгучий взгляд, направленный прямо на него, заставил чувствительного Хань Фэна почувствовать странный зуд на коже и невольный дискомфорт во всем теле. Он открыл глаза и посмотрел на Чу Сюэвэня, стараясь подавить исходящее от него давление и смягчить свой взгляд. Их глаза встретились, и Чу Сюэвэнь тут же вспыхнул и отвел взор.

Он отошел к столу и принялся за рисование. Ему необходимо создать нечто по-настоящему выдающееся, чтобы заработать денег и купить для Хань Фэна питательные снадобья.

Завершив упражнение, Хань Фэн погрузился в раздумья: внутренние силы прежнего владельца были поистине бездонны, словно океан. Должно быть, он был выдающимся мастером, так почему же его постигла столь горькая участь? И почему его вообще схватили и пытались продать? Хань Фэн решил, что как только его раны немного заживут, он обязательно разыщет Хромца Ли и во всем разберется.

Благодаря культивации он начал чувствовать, как мощная сила внутри него непрерывно циркулирует и собирается в единый поток. Поскольку энергия стала двигаться по меридианам свободнее, он с радостью обнаружил, что, помимо внешних ушибов, большая часть внутренних повреждений уже прошла.

Хань Фэн слегка приоткрыл глаза, прислушиваясь к изменениям в организме, и на душе у него стало спокойнее. Он медленно поднялся с кровати; движения все еще давались с трудом, но были уже гораздо увереннее, чем раньше.

Чу Сюэвэнь, до этого всецело поглощенный работой, краем глаза заметил это движение. Он тут же отложил кисть, поспешил к нему на помощь и заботливо спросил:

— Хань Фэн, нужно ли тебе что-нибудь? Только скажи, я во всем помогу!

Хань Фэн, услышав это, лишь слегка покачал головой и ответил сдержанно:

— Не нужно утруждаться. Я просто почувствовал, что мне стало значительно лучше. А ты сам — что тебя заставляет так усердно трудиться здесь?

С поддержкой Чу Сюэвэня он медленно дошел до стола и сел. Убедившись, что Хань Фэн удобно устроился, Чу Сюэвэнь облегченно вздохнул, и на его лице появилась улыбка:

— Я пишу картину «Пожелание долголетия». Один из местных богачей специально заказал ее заранее. Скоро день рождения его отца, и этот свиток будет преподнесен в качестве подарка.

С этими словами Чу Сюэвэнь показал ему прогресс. На картине красовались пышные сосны и кипарисы, журавли, несущие персики бессмертия, выглядели как живые, а беседки и павильоны гармонично вписывались в пейзаж. Добродушный старец-долгожитель в центре композиции был написан с большим мастерством. Картина вышла изящной, а яркие краски радовали глаз.

— Сюэвэнь, у тебя воистину талантливая рука. Такая работа достойна того, чтобы передаваться из поколения в поколение, — искренне похвалил его Хань Фэн.

— Ты слишком добр ко мне, Хань Фэн. Мы, книжники, слабы и немощны, нам только и остается, что заниматься подобным ремеслом.

Хань Фэн лишь слабо усмехнулся. Вспомнив слова о том, что книжники — самые бесполезные люди, он подумал, что тот, кто это изрек, был слишком заносчив. Ему самому Чу Сюэвэнь казался человеком мягким, культурным и весьма приятным в общении. Несмотря на то что он был ученым, в нем не было ни капли высокомерия. Своим талантом он сумел пробить себе путь в жизни и стать известным в округе мастером — иначе стал бы тот богач заказывать у него картину?

На суровом лице Хань Фэна промелькнула едва заметная улыбка, теплая и ласковая, словно весеннее солнце. В одно мгновение взгляд Чу Сюэвэня оказался прикован к нему.

— Кхе. — Жгучий взгляд Чу Сюэвэня вызвал у Хань Фэна дискомфорт, и он слегка кашлянул, чтобы привести того в чувство.

Осознав происходящее, Чу Сюэвэнь мгновенно покраснел до корней волос и поспешно отвел взгляд, втайне удивляясь собственной несдержанности.

Хань Фэн сидел рядом, наблюдая за тем, как Чу Сюэвэнь выводит иероглифы на бумаге. Поначалу тот чувствовал себя неловко, но вскоре ощутил радость от того, что рядом кто-то есть. Он уже и забыл, когда в последний раз был не один. Они пребывали в тишине: один смотрел, другой писал. Несмотря на отсутствие слов, атмосфера была необычайно гармоничной.

Время шло, и основная часть картины была завершена. Оставалось лишь вписать стихотворение. Чу Сюэвэнь отложил кисть, подошел к подсвечнику, чтобы поправить огонь, и задумался.

— Сюэвэнь, хочешь добавить каллиграфию? У меня есть на примете пара строк, если желаешь, могу прочесть, — увидев столь искусную работу, Хань Фэн тоже почувствовал вдохновение.

— О, Хань Фэн, скорее говори! — воодушевленно отозвался Чу Сюэвэнь.

Хань Фэн негромко и выразительно продекламировал:

— Три тысячи лет — персик спелый в саду,

Пятьсот зим прожила кедр-лиственница в ряд.

Сквозь ветры и иней прошел, не сдаваясь судьбе,

И время, как река, течет, унося всё назад.

— Как думаешь, Сюэвэнь, подходят ли эти строки? — спросил он, хотя про себя подумал: это творение великого поэта, разве может оно быть плохим?

— Хань Фэн, эти строки просто изумительны! — восхищенно воскликнул Чу Сюэвэнь. Он, не теряя ни минуты, взял кисть и аккуратно вывел эти прекрасные слова на белой бумаге.

— Надеюсь, ты не обвинишь меня в плагиате? — пошутил он, закончив писать.

— Ха-ха-ха, лишь бы тебе понравилось!

Раскатистый, уверенный смех Хань Фэна наполнил комнату. Чу Сюэвэнь на миг замер, очарованный, но тут же покачал головой, возвращая себя к реальности. Он подумал, что настоящий мужчина должен быть таким, как Хань Фэн — уметь и слово сказать, и дело сделать, обладая при этом свободной душой. А его собственный образ утонченного книжника явно лишен истинной мужской стати.

— Поздно уже, пойду приготовлю поесть, — сказал Чу Сюэвэнь, взглянув на сгустившиеся сумерки за окном, и направился к выходу.

— Давай вместе, — отозвался Хань Фэн. Он чувствовал, что окреп, и привычка сидеть сложа руки, пока другие хлопочут, была ему не по душе.

— Нет-нет, ты тяжело ранен, отдыхай, да и помогать там особо не с чем, — Чу Сюэвэнь быстро подошел к нему и мягко усадил обратно.